

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ФИЛОСОФІИ.

В. Кудрявцева.

Издание второе.

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова, Бол. Черныш. пер., д. Пустошкина,
противъ Англійской церкви.

1891

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

Москва. Августа 28 дня 1890 года.

Цензоръ Протоиерей Симеонъ Вишняковъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Начальныя основанія философіи.

	Стр.
Задача начальныя основанія философіи.....	1

I.

Начальныя основанія гносеології.

Общая задача философского учения о познании; его необходимость.....	2
I. Объ основныхъ началахъ нашего познанія.....	3
1) Философія общаго (здраваго) смысла.....	4
2) Философія непосредственного чувства.....	9
3) Скептицизмъ	14
4) Позитивизмъ	20
II. О познаніи эмпирическомъ; общей предметъ его.....	26
1) Главныя философскія воззрѣнія на чувственное бытіе.....	27
а. Матеріализмъ.....	27
б. Идеализмъ	39
Общий выводъ изъ критики матеріализма и идеализма	55
2) Общія формы чувственного бытія: пространство и время	55
а. Субъективная теорія пространства и времени.....	—
б. Объективная теорія пространства и времени.....	61
в. Пространство и время, какъ реальные свойства вещей.....	64
III. О познаніи рациональномъ; содержаніе этого познанія...	67
1) Сенсуалистическое учение о происхождении категорій.....	69
2) Рационалистическое учение о происхождении категорій.....	83
3) Общий выводъ изъ разбора одностороннихъ воззрѣній на происхождение и значеніе категорій.....	90

IV. О познанії ідеальному; содеряніе этого познавія.....	91
1) Атеистическая теорія происхожденія идеи о Богѣ.....	93
2) Ученіе Декарта о врожденности идеи о Богѣ	99
3) Традиционализм.....	102
4) Мистицизм.....	105
5) Положительное ученіе о происхожденіи идеи о Богѣ	109
6) Границы естественного богоизнанія и необходимость сверхъестествен- наго откровенія.....	114

II.

Начальныя основанія естественного богословія.

I. Бытіе Божіе. Доказательства бытія Божія	117
1) Космологическое.....	119
2) Телеологическое	123
3) Онтологическое.....	129
4) Психологическое.....	133
5) Историческое.....	139
6) Нравственное	145
7) Значеніе доказательствъ бытія Божія.....	154
II. Понятіе о Богѣ и Его свойствахъ.....	157
1) Свойства Божества.....	—
2) Личность Божества.....	160
III. Отношеніе Бога къ міру; понятіе о трансцендентности и имманентности.....	164
1) Дуализмъ.....	165
2) Деизмъ	168
3) Пантеизмъ	172
4) Теизмъ; ученіе о Промыслѣ.....	180

III.

Начальныя основанія космологіи.

Главные вопросы космологіи.....	191
I. Матерія, какъ субстанціальная основа физиче- скаго міра.....	—
1) Матерія какъ сплошь протяженное бытіе (continuum).....	—
2) Атомизмъ	193

а. Эмпирическія доказательства атомизма.....	195
б. Философскія доказательства атомизма.....	201
в. Общій выводъ изъ критики доказательствъ въ пользу атомизма; научное его значеніе.....	203
3) Динамизмъ.....	208
4) Математический атомизмъ.....	211
5) Монадизмъ.....	213
6) Общій выводъ изъ разбора различныхъ учений о матерії.....	217
II. Происхожденіе міра.....	218
1) Разборъ учений материалистовъ о происхожденіи міра вообще.....	—
2) Несостоятельность материализма въ объясненіи происхожденія природы неорганической.....	224
3) Несостоятельность материализма въ объясненіи происхожденія природы органической.....	228
а. Витализмъ и механическое объясненіе органической жизни.....	—
б. Гипотеза произвольного зарожденія	234
в. Гипотеза трансформаціи.....	238
4) Твореніе міра.....	252
а. Доказательства творенія міра Богомъ.....	—
б. Разборъ главныхъ возраженій противъ понятія о твореніи	255
III. Цѣлесообразность міра.....	258
1) Цѣлесообразность въ природѣ физической	259
а. Эмпирическія доказательства цѣлесообразности.....	—
б. Рациональное доказательство цѣлесообразности.....	262
в. Разборъ главныхъ возраженій противъ цѣлесообразности.....	268
2) Цѣль существованія природы.....	269
3) Цѣль существованія міра вообще.....	272
4) Оптимизмъ и пессимизмъ.....	273

IV.**Начальные основанія рациональной психологіи и нравственной философіи.**

I. Духовность души.....	281
1) Отрицаніе этой истины въ материализмъ.....	—
2) Доказательства духовности души изъ сравненія ея общихъ свойствъ съ свойствами предметовъ матеріальныхъ.....	282
3) Доказательства духовности души изъ разсмотрѣнія частныхъ ея силъ и способностей.....	285
4) Разборъ главныхъ возраженій противъ духовности души.....	289

5) Разборъ главныхъ материалистическихъ гипотезъ о сущности души	293
II. Безсмертіе души.	297
1) Онтологическое доказательство безсмертія души	—
Опроверженіе ложныхъ мнѣній о происхожденіи идеи безсмертія	299
2) Психологическое доказательство безсмертія души	303
3) Телесологическое доказательство безсмертія души	307
4) Нравственное доказательство безсмертія души	314
5) Связь доказательствъ безсмертія души съ идею о Богѣ	315
III. Свобода воли.	316
1) Понятіе о свободѣ воли и ея границы	—
2) Понятіе о детерминизмѣ и индетерминизмѣ	318
3) Доказательства свободы воли	320
4) Рѣшеніе главныхъ возраженій противъ свободы воли	158
IV. Основное начало и цѣль нравственной дѣятельности	165
1) Понятіе о высочайшемъ благѣ и главная философскія ученія объ основномъ принципѣ нравственной дѣятельности	—
2) Евдемонизмъ	166
3) Утилитаризмъ	170
4) Нравственное совершенство какъ основное начало и цѣль человѣческой дѣятельности	175
Одностороннее пониманіе нравственного принципа въ ученіи Канта	178
5) Связь ученія объ основномъ началѣ и цѣли нравственной дѣятельности съ ученіемъ о Богѣ; связь нравственности съ религию	182

Начальнія основанія філософії.

Задача начальнихъ основаній філософії. Главнимъ предметомъ філософії служить изслѣдованіе вопросовъ о сущности, послѣднемъ основаніи и цѣли существующаго. Научное и систематическое разрѣшеніе этихъ вопросовъ предполагаетъ предварительное знаніе законовъ правильнаго мышленія и явлений психической жизни, съ которыми наше познаніе находится въ непосредственной связи; къ этой цѣли ведутъ логика и опыта的心理. Далѣйшая за тѣмъ задача філософії должна состоять въ томъ, чтобы представить опытъ положительного рѣшенія ею своихъ важнѣйшихъ вопросовъ. Этой цѣли она стремится достигнуть въ метафизикѣ, нѳологии и эстетикѣ. Метафизика въ своемъ ученіи о достовѣрности познанія и познаваемаго бытія (*гносеологія*) о сущемъ вообще (*онтологія*) о безусловно (*естественное богословіе*) и условно сущемъ (*космология и рациональная психологія*) должна дать намъ полное и цѣльное філософское возврѣніе на идеальную сторону бытія, въ какой мѣрѣ она доступна нашему уму. Нѳтика и філософія права должны представить законы нашей практической, нравственной и общественной дѣятельности. Эстетика, — законы и формы художественнаго творчества *).

Задача начальнихъ основаній філософії состоить въ томъ, чтобы для приступающихъ къ изученію філософії дать руководство къ пониманію и правильному разрѣшенію главныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ означеныхъ наукъ. Выборъ этихъ вопросовъ опредѣляется: важностю и значеніемъ ихъ для самой філософії; преимущественнымъ значеніемъ, какое некоторые изъ нихъ могутъ имѣть для жизни религіозной и нравственной; и наконецъ, педагогическими требованіями, — степенью умственного развитія начинающихъ заниматься філософіею и временемъ, какое можетъ быть удѣлено ими для этихъ занятій.

*) См. Введеніе въ філософію. 1890 г., стр. 35—39.

Філософія В. Кудрявцева.

Въ виду этихъ требованій, въ составъ начальнихъ оснований философіи входятъ: 1. гносеологический вопросъ о достовѣрности познанія и бытія познаваемаго, — эмпирическаго, рациональнаго и идеальнаго; 2. ученіе естественнаго богословія о бытіи Божіемъ, о свойствахъ Божества и отношеніи Его къ миру; 3. космологическое ученіе о сущности физического бытія, о происхожденіи міра и его цѣлесообразности; 4). главные вопросы рациональной психологіи и нравственной философіи,—о духовности души, ея бессмертіи, свободѣ и обѣ основномъ началь и цѣли нравственной дѣятельности.

I.

Начальные основанія гносеологии.

Общая задача философского ученія о познаніи; его необходимость. Въ обыкновенномъ нашемъ познаніи мы исходимъ изъ непосредственной увѣренности, что окружающіе нась предметы существуютъ именно такъ, какъ являются нашимъ чувствамъ, и что при помощи нашего мышленія мы можемъ достигнуть вѣрнаго понятія о нихъ. Знаніе высшее, научное, конечно, не удовлетворяется тѣмъ познаніемъ о вещахъ, какое даютъ намъ наши чувства и непосредственное мышленіе; при помощи научныхъ методовъ познанія оно изслѣдуетъ предметы и старается достигнуть до болѣе глубокаго и вѣрнаго познанія о нихъ. Но и оно въ свою очередь основывается на нѣкоторыхъ предположеніяхъ, которые признаетъ за несомнѣнныя и само собою очевидныя.

Изъ этихъ предположеній самое важное и составляющее общую принадлежность всѣхъ наукъ есть увѣренность въ достовѣрности нашего познанія и въ дѣйствительномъ существованіи познаваемыхъ предметовъ, — міра внѣшняго и внутренняго.

Но нашъ разумъ, въ своемъ высшемъ стремлениі къ вполнѣ достовѣрному знанію, не удовлетворяется непосредственною и на вѣру принимаемою достовѣрностію тѣхъ основныхъ понятий, которые принимаются за несомнѣнныя какъ въ знаніи обыденномъ, такъ и научномъ. Онъ подвергаетъ ихъ критическому анализу съ цѣлью опредѣлить, дѣйствительно ли они такъ несомнѣнны, какъ предполагаетъ то общее и научное сознаніе. Онъ пытается дать себѣ отчетъ въ самыхъ очевидныхъ, пови-

димому, истинахъ общаго смысла и науки, старается по возможности рационально обосновать ихъ, чтобы все наше знаніе въ совокупности могло называться вполнѣ научнымъ знаніемъ, т. е. основаннымъ не на *предположеніяхъ*, но на рационально проверенныхъ и доказанныхъ началахъ. Эту задачу и береть на себя философское учение о познаніи.

На необходимость изслѣдованія о познаніи указываетъ не только самое содержаніе и задача философіи, но и ея исторія. Въ началѣ своего появленія и философія стояла на точкѣ зреянія обыденнаго мышленія. Первые философы не задавали себѣ вопроса о степени достовѣрности нашего мышленія; они философствовали съ полной увѣренностью, что мы можемъ знать истину и что предметы дѣйствительно такъ существуютъ, какъ нами познаются. Но когда поступательное движеніе философіи показало, что одно и тоже мышленіе, направленное къ однимъ и тѣмъ же предметамъ, привело къ противоположнымъ воззрѣніямъ на самые существенные предметы философскаго видѣнія, то естественно возникъ вопросъ: отъ чего же это происходитъ? Вещи ли на самомъ дѣлѣ не таковы, какъ намъ кажутся, или нашъ разумъ не способенъ къ истинному познанію вещей? Возникла существенная необходимость предварительного изслѣдованія нашего познанія, его источниковъ, степени достовѣрности и границъ.

I.

Объ основныхъ началахъ познанія.

Такъ какъ исторія философіи показала, что въ решеніи вопроса о познаніи философы приходили къ самымъ разнообразнымъ воззрѣніямъ и не могли прийти къ соглашенію даже относительно коренныхъ истинъ нашего знанія, то естественно, что некоторые изъ нихъ пришли къ сомнѣнію или а) въ необходимости рационального обоснованія этихъ истинъ, или б) въ самой его возможности, а потому въ возможности и самого философскаго познанія, какъ основаннаго на твердыхъ и достовѣрныхъ началахъ. Въ виду крайняго разногласія философскихъ системъ и видимой безнадежности примиренія ихъ, во всякомъ времена были мыслители, которые сомнѣвались въ возможности найти надежную точку опоры для философіи въ ней же самой, въ

рациональномъ обоснованіи ея собственныхъ началъ. Имъ казались вовсе ненужными, странными, даже смѣшными усилия философъ доказать такія напр. очевидныя истины, какъ существованіе внѣшняго міра, Божества, достовѣрность мышленія, обязательность предписаній нравственного закона и т. п. Имъ казалось, что если и нужно для насъ какое либо удостовѣреніе этихъ и подобныхъ истинъ, то его нужно искать не въ какихъ либо утонченныхъ метафизическихъ изслѣдованіяхъ, но или а) въ простомъ *свидѣтельствѣ* здраваго или *общаго смысла*, или б) въ непосредственной, на чувствѣ основанной, впрѣвъ эти истины.

1. Философія общаго (здраваго) смысла. Философія общаго смысла исходить изъ того предположенія, что въ душѣ человѣка самою природою напечатлѣны, какъ бы врождены всѣ высшія и необходимыя для его разумной и нравственной дѣятельности истины; такова напр. увѣренность въ достовѣрности нашего познанія, въ бытіи Божіемъ, въ обязательности нравственного закона и пр. Такъ какъ эти истины суть первоначальные и не выводимыя изъ какихъ либо другихъ истинъ, то онѣ не имѣютъ нужды въ какомъ либо ихъ обоснованіи или доказательствѣ. Всѣмъ людямъ прирождено чувство истины, которое съ непреодолимою силою убѣдительности утверждаетъ для насъ эти коренные истины нашего знанія. Задача философіи должна состоять не въ доказательствѣ этихъ истинъ, а только въ ихъ открытии и отличеніи какъ отъ другихъ производныхъ истинъ, такъ и отъ ложныхъ мнѣній, которыхъ мы, довѣряясь личному нашему чувству, могли бы принять за первоначальные истины разума. Несомнѣннымъ же признакомъ первоначальности какой либо истины, отличающей ее отъ всякаго другаго рода истинъ и мнѣній, служить согласное признаніе ея всѣми людьми; согласіе всѣхъ людей въ чемъ либо, какъ говорить Цицеронъ, должно быть почитаемо голосомъ самой природы; разумъ частный можетъ заблуждаться, разумъ всеобщій непогрѣшимъ *).

*) Первое начало философіи общаго смысла мы находимъ у Сократа, который въ непосредственномъ свидѣтельствѣ общаго всѣмъ людямъ нравственного сознанія искалъ завѣренія всѣхъ высшихъ истинъ нашего знанія и жизни. Природное чувство истины, подтверждаемое согласіемъ всѣхъ людей, почиталъ критериемъ истины Цицеронъ. Въ новой философіи начало общаго смысла поставлено во главу этой науки.

Что всѣмъ людямъ врождены нѣкоторыя основныя теорети-ческія и нравственныя понятія—это справедливо. Но чтобы эти понятія въ ихъ непосредственномъ видѣ, какъ онъ даны въ общемъ сознаніи, могли служить несомнѣнными началами философскаго познанія, съ этимъ согласиться нельзя. Этому препятствуетъ: а) ихъ неясность и неопределеннность; б) невозможность доказать ихъ всеобщность и в) несостоятельность самого признака всеобщности для удостовѣренія истины чего либо.

а) Среди крайняго разнообразія людскихъ мнѣній мы, конечно, можемъ найти нѣкоторыя истины, въ которыхъ убѣждены всѣ люди, напр., что дважды два четыре, что предметы, которые мы видимъ, суть дѣйствительно тѣ предметы, какие мы видимъ, что противорѣчить себѣ, говорить обѣ одномъ и томъ же и да и нѣтъ, значитъ противорѣчить коренному требованію мышленія и т. п. Но очевидно, что эти и подобныя истины, дѣйствительно одинаково признаваемыя и понимаемыя всѣми, не лишеными здраваго смысла людьми, далеко не суть тѣ положенія, около которыхъ вращаются самые живые интересы философскаго познанія и о которыхъ возникаютъ споры между людьми. Какъ скоро дѣло доходитъ до такихъ положеній, которыя имѣютъ дѣйствительное значеніе въ области нашего знанія и жизни, тотчасъ возникаютъ недоумѣнія, какая именно изъ нихъ мы должны признавать выражениемъ всеобщаго разума и какой смыслъ съ ними соединять. Даже защитники философіи общаго смысла разногласятся относительно ихъ числа и значенія. А что касается до примѣненія начала общаго или здраваго смысла въ дѣлѣ нашего познанія, то о крайней неопределенности и неясности этого начала свидѣтельствуетъ уже то, что на здравый смыслъ часто ссылаются для подтвержденія самыхъ противоположныхъ мнѣній. Вообще, даже самыя общепризнаваемыя истины на дѣлѣ представляются съ столь разнообразными отг҃и-

ки шотландскою школою, главные представители которой: Беатти, Освальдъ и Дэгальдъ-Стюартъ. На здравый смыслъ, какъ на послѣднее завѣщеніе истины въ борьбѣ своей съ религіозными и политическими установлѣніями, ссылались обыкновенно французскіе философы XVIII вѣка: Вольтеръ, Руссо, Дидро и др. Тоже начало служило принципомъ философіи нѣмецкихъ философовъ, такъ называемаго „просвѣщенного взгляда на вещи“ прошлаго столѣтія, каковы: Мендельсонъ, Реймарусъ, Базедовъ и др. Противопоставленіе общаго, здраваго смысла философскимъ уточненостямъ и попыткамъ доказать основы истины здѣнія—явленіе обыкновенное и въ наше время.

ками у различныхъ лицъ, народовъ, въ различные времена, что за устраниемъ этихъ оттѣнковъ для выдѣленія изъ разнообразнаго и частнаго, общечеловѣческаго, въ итогѣ получаются столь общія и неясныя понятія, что онѣ оказываются совершенно бесполезными для философскаго познанія. Всѣ люди, положимъ, увѣрены въ собственномъ существованіи, въ бытіи природы, Божества; что же касается до самыхъ понятій о томъ, что такое наше я, природа, Богъ, то мы встрѣчаемъ здѣсь чрезвычайное разнообразіе, даже противорѣчіе мнѣній. Но много ли будетъ для философіи пользы отъ признанія этихъ общихъ убѣждений въ бытіи нашего я, міра, Бога, если она не вынесетъ никакого яснаго понятія о нихъ? Эти убѣжденія не предотвратятъ споровъ и разногласій касательно пониманія этихъ предметовъ, такъ какъ здѣсь всеобщій разумъ не даетъ никакого решительного отвѣта. Для философіи же важно именно правильное *понятіе* обѣ этихъ истинахъ, а не одно только утвержденіе ихъ какъ фактовъ общечеловѣческаго сознанія.

Не имѣя ясности и опредѣленности, положенія общаго смысла по тому самому не представляютъ и безусловной убѣдительности для разума. Еслибы они сами по себѣ были убѣдительны, то невозможно было бы и возникновеніе сомнѣній относительно ихъ истины и ихъ отрицаніе, что мы видимъ въ философіи. Правда, защитники философіи общаго смысла называютъ иногда подобнаго рода явленія исключеніями, аномаліями, дѣломъ отдельныхъ личностей, умъ которыхъ извращенъ софистикою абстрактной мысли. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Когда не какая либо отдельная лица, но цѣлыя философскія школы высказывали сомнѣнія касательно достовѣрности тѣхъ или иныхъ всеобщихъ убѣждений, когда напр. одни, и притомъ составляющіе славу философіи, мыслители съ направленіемъ идеалистическимъ, отрицали достовѣрность познанія или бытія предметовъ чувственныхъ; когда другіе философы съ направленіемъ материалистическимъ отрицали самобытность духовной природы, то невольно возникаетъ недоумѣніе, по какой злосчастной судьбѣ умъ человѣка въ своемъ высшемъ развитіи такъ часто противорѣчитъ положеніямъ общаго смысла? Невольно возникаетъ сомнѣніе, такъ ли несомнѣнны изреченія этого смысла, какъ мы привыкли думать о нихъ,—и кому больше вѣрить, не мыслящему, но руководствуемуся общимъ мнѣніемъ большинству, или меньшинству мыслителей?

б) Принципъ философіи, нами рассматриваемый, требуетъ для признанія какой либо истины первоначального и кореннаго согласія въ ней не большинства только, а всѣхъ людей. Но мы видимъ, что самыя очевидныя, повидимому, истины были подвергаемы сомнѣнію и отрицаются. Еслибы даже подобныя явленія мы стали считать исключеніемъ изъ общаго правила, то во всякомъ случаѣ мы не могли бы имѣть никакихъ ручательствъ за будущую состоятельность тѣхъ убѣжденій, которыхъ въ прошломъ и настоящемъ мы нашли бы всеобщими. Согласіе предпествующихъ поколѣній въ признаніи какой либо истины не служить доказательствомъ, что и будущія поколѣнія также станутъ признавать эту истину. Кто поручится, что мнѣніе, въ которомъ согласны теперь всѣ, не есть мнѣніе вѣка, одна изъ переходныхъ ступеней на пути къ истинѣ? Кто поручится, что черезъ пѣсколько столѣтій то, что теперь кажется неоспоримою истиной, не окажется несостоятельнымъ? Вообще философія общаго смысла безотвѣтна противъ тѣхъ, нерѣдко и высказываемыхъ предположеній, что самыя существенныя въ настоящее и прошедшее время убѣжденія (напр. религіозныя) могутъ быть только временными, исторически, а не абсолютно необходимыми убѣжденіями,—и въ этомъ ея недостатокъ.

в) Все это колеблетъ философское значеніе принципа общаго смысла, подрывая единственный критерій его истины—всеобщность. Въ самомъ дѣлѣ, изъ сказанного нами видно, что, строго говоря, мы можемъ найти, и то по отношенію къ настоящему только и прошедшему человѣческаго рода, не всеобщія убѣжденія, но убѣжденія большей части людей, не всеобщій разумъ, а разумъ большинства. Но то начало, по которому количественное большинство голосовъ поставляется судьею истины, если и можетъ быть допущено въ жизни практической, никакъ не можетъ быть принято началомъ значенія. Истина можетъ быть достояніемъ немногихъ умовъ, качественно возвышающихся надъ большинствомъ, и паоборотъ, заблужденіе можетъ быть всеобщимъ. Опытъ дѣйствительно показываетъ намъ, что сужденія о вещахъ большинства не всегда бывали наилучшими и даже для своего времени относительно вѣрнѣйшими. Часто случалось, что истина составляла достояніе очень небольшаго числа лицъ, решавшихся идти наперекоръ господствующимъ мнѣніямъ. Подобныя явленія показываютъ, что

такъ называемый всеобщій разумъ, по своей ограниченности и способности заблуждаться не отличается отъ разума частнаго и потому не можетъ быть началомъ философскаго познанія.

Наконецъ должно замѣтить и то, что послѣдовательное приложеніе въ знаніи начала общаго смысла повело бы къ уничтоженію самаго знанія, такъ какъ знаніе не есть что либо данное и готовое, но находится въ процессѣ постояннаго усовершенствованія. Строго слѣдя началу общаго смысла, мы должны бы признать, что каждое мнѣніе тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ большее число людей его раздѣляетъ. Но допустивъ это, мы не сдѣлаемъ и одного шага въ области научнаго познанія, гдѣ каждое новое открытие, новая мысль, прежде всего является достояніемъ немногихъ умовъ, часто вступаетъ въ борьбу съ принятymi уже и освященными древностю убѣжденіями и часто только по истеченіи долгаго времени входитъ въ общее сознаніе и становится общимъ достояніемъ. Словомъ, проводя въ знаніе строго начало общаго смысла, мы остановили бы всякий прогрессъ знанія, считая верхомъ благоразумія всегда соглашаться съ большинствомъ, держаться принятыхъ теорій и господствующихъ убѣжденій. Такимъ образомъ постоянное движение науки и усовершенствованіе знанія само собою опровергаетъ мысль объ абсолютной непогрѣшимости всеобщаго разума.

Эклектизмъ. Съ философіею общаго смысла въ самомъ тѣсномъ родствѣ находится то направленіе философіи, которое называется *эклектизмомъ* или *синкремизмомъ* *). Эклектизмъ отъ обыкновенной философіи общаго смысла отличается тѣмъ, что представителями этого смысла признаетъ не просто большинство, но большинство по преимуществу мыслящее, т. е. философовъ. Сообразно своему принципу, эклектикъ изъ системъ различныхъ мыслителей долженъ бы выбирать то, въ чёмъ если не всѣ, то большая часть ихъ согласны. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ этотъ приемъ при коренному различіи главныхъ философскихъ направлений не приложимъ, то обыкновенно онъ выбираетъ изъ нихъ то, что самъ считаетъ болѣе согласнымъ съ истиной. Такимъ обра-

*) Эклектизмъ отъ синкремизма иногда отличаютъ такъ, что подъ эклектизмомъ разумѣютъ выборъ и сводъ согласующагося въ различныхъ системахъ, а подъ синкремизмомъ соглашеніе и примиреніе разногласнаго въ нихъ, напр. попытка соглашенія Платона и Аристотеля.

зомъ принципомъ эклектизма въ действительности является личное, непосредственное чувство истины. Отсюда видно, что по своему принципу эклектизмъ принадлежитъ не къ строго философскимъ направлениямъ, такъ какъ онъ принимаетъ въ свою систему тѣ или другія мнѣнія философовъ, руководясь только внутреннимъ чутьемъ истины, личнымъ здравымъ смысломъ. Конечно, такое чутье можетъ быть болѣе и менѣе чуткимъ, судя по большей или меньшей степени личного таланта и можетъ иногда вѣрно угадывать истину; но оно не можетъ имѣть строго философского характера и быть философскимъ началомъ познанія. Отъ этого эклектизмъ не можетъ создать и строго научной философской системы. Эклектикъ собираетъ тамъ и здѣсь цветы и листья философскихъ произведеній, чтобы изъ нихъ составить растеніе; но онъ дѣлаетъ только букетъ, который со временемъ можетъ быть очень красивъ, но скоро вянеть, потому что въ немъ нѣтъ внутренней, собственной жизни. Не говоримъ о другихъ недостаткахъ эклектизма: о трудности изъ разнородныхъ системъ образовать одно, внутренне связанное цѣлое, отъ чего въ эклектическихъ системахъ часто внутренняя, органическая связь замѣняется внѣшнею, формальной; о зависимости большей части эклектическихъ системъ отъ одной какой либо философской системы, или господствующей въ данное время, или особенно уважаемой философомъ по его личнымъ симпатіямъ, при чемъ и его собственная система уже теряетъ характеръ строгаго эклектизма и безпристрастія въ выборѣ элементовъ сводной системы.

2. Философія непосредственного чувства. Философія общаго смысла исходить изъ того предположенія, что въ нашемъ разумѣ есть непосредственно данные, не на умозаключеніяхъ разсудка основанныя и потому не нуждающіяся въ рациональномъ обоснованіи ихъ, истины, которые и должны лежать въ основѣ всякаго философскаго познанія. Характеристическимъ признакомъ этихъ истинъ и вмѣстѣ свидѣтельствомъ ихъ достовѣрности служить согласное признаніе ихъ всеми людьми. Но мы видѣли неудовлетворительность этого критерія истины. Поэтому другіе философы, исходящіе въ сущности изъ того же предположенія, ищутъ завѣренія основныхъ истинъ не во виѣннѣмъ удостовѣреніи ихъ авторитетомъ большинства, но во внутренней ихъ самодостовѣрности, непосредственномъ чувствѣ ихъ истины или вѣрѣ. Отсюда возникаетъ новый принципъ философіи, ко-